

М. С. КОЗЛОВА

Идея «языковых игр»

В этой статье речь пойдет о «языковых играх» — ключевом понятии философии позднего Витгенштейна. Работа задумана как своего рода введение в его концепцию *игр*, у нас еще мало изученную, творчески не освоенную. В прошлом автор уже представляла читателям функционально-игровую модель языка, разработанную Витгенштейном, — в форме ее теоретической реконструкции¹. Однако со временем стало понятно, что смысловое «поле» этой философии в действии все же сильно деформируется при таком изложении. Чем более внятно воссоздаешь ее в форме *учения* (выявлением и приведением в систему основных тезисов), тем больше утрачивается суть того, над чем бился, чего достиг автор². Становится понятным: нужно постараться хоть как-то передать то, что было для него главным, — творческий *практикум* концептуальных прояснений. Строго говоря, это — невыполнимая задача: *поведать* о том, что, по убеждению самого Витгенштейна, может быть лишь *содеяно* и *продемонстрировано* — *показом, сказыванию* же (оформлению в теорию) не поддается³. В самом деле, его «поздние» работы намеренно атеоретичны. Они полны нескончаемых вопросов, на которые не получаешь сформулированных ответов, изобилуют примерами концептуальных ловушек

¹ См.: Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972. С. 148–199. Книга читалась лингвистами и, мне говорили, способствовала освоению новой, нетрадиционной, «картины» языка в его динамике, работе.

² Меня уже давно не покидает мысль, что тексты Витгенштейна часто прочитываются не в том ключе, в каком их создавал автор. Настроение, созвучное этому, я встретила не так давно и в одной из статей Г. Х. фон Вригта.

³ Невольно вспоминаются пояснительные реплики философа: «Разве расскажешь, как звучит кларнет?» и т. п. Во второй период творчества Витгенштейн стремится более убедительно, чем в *Трактате*, реализовать свой принцип: «Философия — не теория, а деятельность».

и множеством изоциренных методик выхода из тупиков. И именно эти, *процедурные*, наработки составляют главную ценность. Понять, освоить их позволяет лишь самостоятельное (от первого лица) штудирование — под этим углом зрения — текстов позднего Витгенштейна. Сделать это за кого-то и передать ему такой род знания пересказом не получается⁴. Как же все-таки познакомить читателя с философской *техникой* Витгенштейна, ввести в особый мир его философского *творчества*? Выход практически один: отразить в изложении, насколько возможно, «текстуру» его размышлений, примеры концептуальных сбоев, приемы философских прояснений⁵. Понятно, что подобное изложение может показаться кому-то скучно-подробным. Но дело в том, что Витгенштейн вообще философ тщательного, детального анализа. В своих философских изысканиях он избегает «общих мест», считая, что они мало что дают и ощутимо сбивают с толку. То, что интересует этого оригинального мыслителя без внимания к деталям, нюансам просто не уловить. Тексты с попытками воссоздания его приемов, процедур адресованы *специалистам*, способным извлечь из них какой-то толк, и тем, кто по тем или иным причинам всерьез заинтересован сутью дела. При более популярном изложении смысл того, над чем всю жизнь трудился Витгенштейн, ускользает⁶. Но характеризуя ту или иную его идею (или концепцию) в целом, все-таки приходится воссоздавать мысли философа более или менее *связно*. Тем самым они невольно переводятся — в нашем случае это принцип *языковых игр* — из *методологического* модуса в *теоретический*. Отсюда слишком ощутимое присутствие того, кто «выстраивает» мысли автора в подобие теории и нежелательный эффект восприятия и усвоения его концепции именно в этом, не свойственном ей ключе. Такова ситуация, о которой нельзя не предупредить читателя.

Как же возникла идея *языковых* (концептуальных) *игр* и в чем ее суть? Известно, что Людвиг Витгенштейн привел в фило-

⁴ Витгенштейн, например, так иронично пояснял подобные ситуации: никто не может *за меня* (и *тебя* тоже! — М. К.) продумать мысль, как невозможно за другого надеть шляпу, то есть совершить в *третьем* лице *любое* действие от *первого* лица.

⁵ Попытка такого ознакомления с философией Витгенштейна представлена, например, в статье: Козлова М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Л. Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989. С. 190–213.

⁶ Между тем его методики развенчания «призраков языка» — ценность культуры, и очень жаль, если они и далее будут оставаться для нас (во многом запутавшихся в тенетах слов) лишь областью чужой компетенции.

софию интерес к комплексу проблем символической логики, оснований математики и логического анализа языка. Успехи в этой области (мысли Г. Фреге, Б. Рассела и др.) вдохновили его на поиск предельно ясной логической модели знания-языка, общей матрицы *предложения*, в которой была бы явлена суть любого *высказывания*⁷, а стало быть, — так думалось автору — и мысленного постижения *фактов*, этой основы основ подлинного знания о *мире*. Разработанная Витгенштейном в 1912–1914 гг. концепция базировалась на трех принципах: толковании предметных терминов языка как *имен объектов*; *элементарных высказываний* — как логических *картин* простейших *ситуаций* (или, иначе говоря, *конфигурации объектов*) и, наконец, *сложных высказываний* (логических комбинаций элементарных предложений) — как картин соответствующих им комплексных ситуаций — *фактов*. В результате совокупность истинных высказываний мыслилась как *картина мира*. Тщательно продуманная логическая модель «язык — логика — реальность» была представлена в «Логико-философском трактате», увидевшем свет в 1921 году. Идеи трактата произвели сильное впечатление и вызвали большой резонанс в умах и работах исследователей в области философии языка и логики науки⁸. Пожалуй, наибольшим было его стимулирующее влияние на участников *Венского кружка* — Р. Карнапа, Ф. Вайсмана и др., да и на всю программу логического позитивизма, изложенную в манифесте «*Научное миропонимание*» (1929).

Сам же автор *Трактата* к концу 1920-х гг. начал переосмысливать свою концепцию. Ряд обстоятельств помог ему понять, что отточенная до логического совершенства идеальная модель языка «Трактата» не просто далека от практики речевого разумения, но не схватывает, даже схематично, ее принципиальных механизмов. Именно по этой причине философ покидает прежние позиции и выбирает совсем иной, в каком-то смысле даже противоположный первому, исследовательский путь. Вернуться на «грешную землю», взглядеться и понять, как на самом деле *работает* язык, каковы реальные функции предложений и прочих языковых

⁷ Предложения со *сказуемым*, — утверждающего (отрицающего) нечто о некоем предмете (группе предметов) и, стало быть, о чем-то повествующего, а потому обладающего *истинностными возможностями*.

⁸ Прежде всего, притом задолго до публикации оригинала, их воспринял Рассел. В 1914 г., читая лекции в Гарварде (США), он отметил, что излагает идеи своего талантливой ученика Л. Витгенштейна. Позже свой вариант подобной концепции знания Рассел назовет «логическим атомизмом» (см.: *Russel B. Mysticism and logic*. L., 1954. P. II).

форм не в теории, а в практическом мышлении и поведении людей — такова была в самых общих чертах его новая установка. Широкий спектр философских проблем он теперь стремится рассмотреть под особым углом зрения — через призму языка в его *действии, работе*. Может создаться впечатление, что при таком *функционально-деятельном* подходе к языку интерес философа к логике угас. Между тем Витгенштейн время от времени пояснял, что именно логика все-таки остается главным предметом его внимания. Правда разительно меняется исследовательский акцент, угол зрения: интерес к логическому синтаксису и семантике языка, составлявший доминанту *Трактата*, несколько приугас, на первый же план вышла логическая (а то и просто речевая) *прагматика*, логическое *поведение* понятий.

Преодолевая прежние, ранее казавшиеся ему безупречными, позиции⁹, Витгенштейн приходит к выводу: постижение сути высказываний, значений слов — и не в последнюю очередь важнейших философских положений, понятий — требует не искусства проникать в их *скрытую* логическую структуру, заключенный в них смысл, а предполагает нечто совсем иное. Что действительно необходимо, — таково теперь его убеждение — так это умение ориентироваться в *действии, функциях* языка, его практическом использовании в «ткани» самой жизни, поведения, — то есть там, где работа слов, фраз вполне открыта взору. При таком реалистичном (его еще называют прагматическим), земном взгляде на вещи базовыми структурными образованиями языка Витгенштейну представились не искомые прежние некие его *предельные* элементы в виде *элементарных* предложений, соотнесенных с простейшими (тоже *предельными*) *ситуациями* и якобы составляющими своего рода «субстанцию» языка. В рассуждении, повествовании, чтении, письме и иных формах речевого разумения высвечивались «семейства» более или менее

⁹ В кратком предисловии к *Трактату* автор записал: «Истинность высказанных здесь мыслей представляется мне неоспоримой и завершенной. Таким образом, я считаю, что поставленные проблемы в своих существенных чертах решены окончательно». Но это только часть мысли, а вот ее прямое продолжение и итог: «...Если я не заблуждаюсь на сей счет», то моя работа «показывает, сколь мало дает решение этих проблем». Изучая труд, понимаешь, что это вовсе не поза, а реальный вывод о пределах компетенции *Философа* и неоправданности его претензий на некие *Сверх-результаты*. С таким толкованием согласуются многие замечания о *философии* в разные периоды творчества Витгенштейна. Но, по-видимому, это еще и трезвая итоговая оценка возможностей *логико-аналитического* подхода к философии, признание того, что ожидания на сей счет у автора *Трактата* (воспринятые от Фреге и Рассела) были завышенными.

родственных друг другу¹⁰, подвижных и живых функциональных систем, практик. Витгенштейн назвал их *языковыми играми*. Идея языковых игр заняла очень важное место в его новой концепции, став не просто одним из понятий, фиксирующих определенные реалии, но постоянно работающим принципом уяснения все новых практик людей вкупе с их речевым, коммуникативным оснащением.

Догадки о том, что важно принимать во внимание «динамику» языка, его работу, функции, *употребление* прозвучали еще в «Логико-философском трактате»: «Вопрос: “Для чего собственно мы используем это слово, это предложение?” — всегда ведет к ценным прозрениям в философии»¹¹. И это не единственное замечание в таком духе. В *Трактате*, в целом построенном методом априорного теоретического рассуждения, несколькими штрихами был набросан эскиз, как бы угадана возможность развития иной, еще не оформившейся концепции, тех идей, что вышли на авансцену во второй период творчества философа¹², когда предметом пристального изучения стало *действие* языка. И именно новый акцент привел к позициям, существенно отличающимся от первоначальных. Они представлены в «Философских исследованиях»¹³ и других работах «позднего» Витгенштейна. Что же подтолкнуло его к радикальному изменению точки зрения?

Не исключено, что первые импульсы к переосмыслению концепции дал Витгенштейну его учительский опыт, обучение детей чтению, счету, письму, составление для них словаря и пр.¹⁴. Неслучайно в работах философа затем будет то и дело прослеживаться связь понятий *значение* и *обучение*. Размышляя над «тайной» речевых значений, Витгенштейн пришел к выводу: постоянно стоит задумываться над тем, при каких обстоятельствах мы научились *применять* то или иное слово, выражение, как учат фразам детей и как они их усваивают *на деле*. Немаловажным было, по-видимому, и философское подкрепление педагоги-

¹⁰ Для выражения этой стороны дела Витгенштейн воспользовался метафорой *семейного подобия*.

¹¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 6.211.

¹² О наметках функциональной концепции языка в *Трактате* см., например: *Козлова М. С.* Философия и язык. М., 1972. С. 189–190.

¹³ *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations. Oxford, 1953. Текст первой части этого труда составлен из пронумерованных фрагментов. Цифра в скобках указывает номер соответствующего фрагмента.

¹⁴ Два периода творчества Витгенштейна разделяет (и соединяет!) его работа учителем начальной школы в горных селениях Австрии (1921–1927).

ческого опыта, найденное в *прагматизме*. Так в предисловии к «Философским исследованиям» Витгенштейн отмечал, что в формировании его новой концепции большую роль сыграла критика *Трактата* его друзьями в Кембридже — Фрэнком Рамсеем и Пьетро Сраффа¹⁵. Конкретное содержание этой критики неизвестно, но о ее общей направленности позволяет судить сопоставление новых мыслей Витгенштейна с рядом моментов в работах его оппонентов¹⁶. Так Ф. Рамсей, по-видимому, передал философу общее настроение *прагматизма* Ч. С. Пирса, влияние которого испытал сам. Известно, в частности, что Рамсей считал важным принимать во внимание не только объективный аспект логико-языковой картины мира (факты, объекты и др.), но и *деятельность* субъекта. Высоко оценив логику Витгенштейна, он, однако, усмотрел в ней пробел: *невнимание к прагматике*, к связи значения предложения с вытекающими из него действиями. Приверженность автора «Логико-философского трактата» теоретической строгости критик счет максималистской. В частности, чрезмерным, нереалистичным ему представлялось стремление к *точному* логическому выражению того, что на деле является смутным, не поддается точным определениям. Расценивая подобную установку как схоластическую, Рамсей усматривал в ней серьезную опасность для философии. Возможно, такие настроения были навеяны ему мыслями У. Джемса, который разъяснял, что теоретический подход к любому предмету строится на свехупрощениях и потому чреват догматизмом, что наиболее ощутимо в области философии и религии. Такого рода аргументы, несомненно, произвели впечатление на Витгенштейна. Мотивы прагматизма и критики платонизма, «теоретизма» органично вошли в мышление философа, кстати, знавшего и ценившего работы Джемса¹⁷.

Антиплатоновскую идею «языковой игры», в известной мере возрождавшую представления и практику софистов, Вит-

¹⁵ Первый — британский математик, совсем молодым помогавший С. К. Огдену переводить «Трактат» Витгенштейна на английский язык и написавший первую статью об этом знаменитом произведении для журнала «*Mind*». Второй — итальянский экономист, преподаватель кембриджского университета.

¹⁶ Такое сопоставление осуществил, например, американский исследователь К. Т. Фан. См.: *Fann K. T. Wittgenstein's conception of philosophy*. Oxford, 1969.

¹⁷ Еще в 1912 г. в письме Расселу Витгенштейн сообщил между делом, что читает «Многообразие религиозного опыта» Джемса. Отмечают, что Джемс был одним из немногих авторов, на которых Витгенштейн иногда ссылался по ходу чтения лекций.

генштейн прорабатывал до конца своих дней, находя ей все новые и новые применения. В лекциях 1933–1935 гг.¹⁸, уже став, по сути, на новую точку зрения, он вводит принцип *игр* и активно применяет «игровой» подход к языку»¹⁹. Своего рода «элементарным введением» в концепцию *языковых игр* можно считать методiku развития данной темы в «Коричневой книге» (см.: ВВВ, р. 77 и след.). Именно здесь Витгенштейн вводит свои хорошо известные примеры *игр-коммуникаций*, начиная с простейшей и шаг за шагом восходя к более сложным. Действующие лица в игре (1) — строитель и его подручный; первый, используя лишь *названия* строительных элементов, выкрикивает команды: «плита», «куб» и др., что означает: «подай плиту», «принеси куб» и пр. Затем в игре (2) в коммуникацию вводится новый тип инструмента — *числительные*. Далее (3) добавляется такое средство коммуникации, как *собственные имена* (*этот блок! та плита!*). На следующей ступеньке (4) игра обретает слова и жесты, указывающие *место*, позже (5) в нее включаются *вопросы и ответы* (*сколько блоков? — Десять*). Уже эти первые пять примеров позволили Витгенштейну дать контуры идеи в общем виде. Он пояснил: системы коммуникации (1–5) мы будем называть *языковыми играми*. При этом указывается, что их реальным аналогом могут быть простые языки примитивных племен или способы обучения детей их родному языку²⁰. На базе исходных

¹⁸ Студенческие записи этих лекций Витгенштейна, известные автору и одобренные им, были впоследствии изданы под названием «Голубая и коричневая книги» (*Wittgenstein L. Preliminary Studies for the «Philosophical Investigations», generally known as the bleu and brown books», Oxford, 1964.*).

¹⁹ См., например: *Wittgenstein L. Preliminary Studies for the «Philosophical Investigations», generally known as the bleu and brown books, Oxford, 1964.* Р. 16–17 («Голубая книга»), где рассматривается игра-поручение: купить в магазине 6 яблок, затем уточняется цвет яблок и т. д.

²⁰ Примечательно, что языковые игры, даже весьма простые, являющиеся *неполным* описанием зрелого естественного языка, Витгенштейн, однако, не считает *неполными* частями языка. Он подчеркивает, что это все же *языки*, которые сами по себе по-своему *полны*, как бывают полны *системы человеческой коммуникации*, пусть даже очень простые. В самом деле, ведь часть несамодостаточна и неспособна функционировать вне целого. О простейших же языках этого не скажешь: они в известных пределах вполне состоятельны. Чтобы удержать в сознании, усвоить эту точку зрения, Витгенштейн рекомендует помыслить некий простой язык-игру как *всю* систему коммуникации какого-то племени на ранней стадии развития общества, в частности советует представить себе простейшую арифметику таких племен. Ведь иная, позднейшая, более сложная у них просто отсутствует.

простых воссоздаются все более сложные формы речевой практики. Игра (6) уже включает в себя варианты вопроса о *названии* предмета (или цвета, числа, направления и др.): *что это такое?*. В игре (7) фигурируют *таблички*, соотносящие знаки с рисунками предметов. В дальнейшем к этим практикам добавляются новые, игры усложняются. В целом их число было доведено здесь до 73, а идея и метод игр были представлены в действии.

Живой, работающий язык необычайно сложен, включает в себя как бы множество взаимосвязанных «игр». Выявляя их типы в естественном языке (или придумывая их искусственные аналоги), Витгенштейн как бы «сканирует» речевую практику, аналитически разграничивает ее компоненты, аспекты, уровни. Прежде всего он выделяет *элементарные* функции языка и варьирует их сочетания. Предполагается, что исходные речевые модели абстрагируются из естественного языка за счет его упрощения, возврата слов, фраз на ту реальную жизненную почву, где они обрели свои начальные значения. Над простейшими постепенно надстраиваются все новые, более сложные *игры*. Так воссоздается «лесенка» усложнений языка, моделируется нарастание его возможностей.

Языковые игры — своеобразный аналитический метод (совокупность приемов) *прояснения* языка, *высвечивания* его функций, работы²¹. Он мыслится как поиск выходов из разного рода концептуальных тупиков, которыми изобилует философская традиция. Именно для этого Витгенштейн придумал свой принцип *игр* и наработал богатую практику его применения.

Метод рассмотрения вначале простейших, а затем усложненных форм коммуникации активно используется и развивается далее в «Философских исследованиях», где идея и методы *игрового* прояснения представлены, пожалуй, наиболее полно и многоаспектно. Что же касается предмета уяснения, то таковым здесь служит прежде всего широкий спектр запутанных философских проблем *сознания*. Это — вопросы соотношения языка и мышления, интуитивного и дискурсивного, внешнего человеческого действия и внутреннего плана сознания, персонального

²¹ Трактовка принципа *языковых игр* именно как *метода* (не теории!) была дана в докладе: Kozlova M. S. Methods of language analysis in the late Wittgenstein's concept // 8 Intern. Congr. of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Moscow, USSR, 17–22 august, 1987. Abstracts. Vol. 3. Section 13. PP. 162–164. До того такой подход был представлен в докторской диссертации: Козлова М. С. Проблемы философии языка. Л.: ЛГУ, 1974; и в ее же публикации: Концепция философии в трудах позднего Витгенштейна // Природа философского знания. М.: Наука, 1975.

(индивидуально-субъективного) и интерсубъективного в вербальном и невербальном человеческом опыте. На страницах главного из своих поздних трудов философ напряженно размышляет также о феноменах значения (смысла) языковых выражений, инвариантного и варьируемого, статичного и процессуального, выразимого и невыразимого в языке, о природе понимания, о человеческом «я» и «чужих сознаниях» (сознаниях других людей в отличие от моего собственного) и др.²². Полна соображений о сути интересующей нас идеи и великолепных иллюстраций книга «Замечания по основаниям математики»²³. Заслуживают внимания и мысли о языковых играх в последней работе Витгенштейна «О достоверности», в том числе толкование *игр* как *форм жизни*. Но, пожалуй, наиболее впечатляющ и поучителен сам Витгенштейнов *опыт* виртуозного применения *игровой* методики при анализе концептуальных замешательств. Совершенно особое место в этом опыте занимают *игровые* прояснения *философских* (и околофилософских) формул и слов, в которых *скрыто* множество смысловых оттенков и таится постоянная опасность сбиться в рассуждении, пойти по ложному пути²⁴.

Возможно, что идея элементарных «языковых игр» и постепенного восхождения от них к играм усложненным была подсказана Витгенштейну его дискуссиями в Кембридже с Пьетро Сраффа. В предисловии к «Философским исследованиям» автор признается: «Стимулирующему воздействию *этой* критики я обязан наиболее плодотворными идеями моей работы»²⁵. Сам П. Сраффа в пору дискуссий с философом (около 1929–1930 гг.) трудился над экономическим исследованием²⁶, в котором применял метод искусственного мысленного «конструирования» систем хозяй-

²² О приемах анализа этого круга проблем см.: Козлова М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Л. Витгенштейна. С. 190–213.

²³ Wittgenstein L. Bemerkungen zur Grundlagen der Mathematik // Remarks on the foundations of mathematics. Oxford, 1956.

²⁴ Таков, например, анализ «семейства» понятий, выражающих многообразие эпистемических позиций (познавательной бесспорности — уверенности — полагания — неуверенности — сомнения и др.), развернутый в работе «О достоверности» (Wittgenstein L. Über Gewissheit // On Certainty. Oxford, 1969 (сокр. G).

²⁵ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations. Oxford, 1953. S. X.

²⁶ Sraffa P. Production of commodities by means of commodities (Prelude to a critique of economic theory). Cambridge: Univ. press., 1960. Хотя труд увидел свет лишь в 1960 г., основные его мысли сложились, как отметил автор в предисловии, еще в конце 1920-х гг., то есть ко времени возвращения Витгенштейна в Кембридж (См.: Fann. P. 50).

ства. При этом за отправную точку условно бралось воображаемое общество, ведущее натуральное хозяйство. Затем мысленно конструировалось общество, производящее всего лишь два товара. И далее путем постепенного расширения обмена и добавления новых черт строились все более сложные формы экономики. Прием «языковых игр», принципиально важный для «поздней» концепции Витгенштейна, весьма напоминает такой метод «спекулятивной антропологии»²⁷. В самом деле, в раздумьях зрелого Витгенштейна то и дело высвечивается «антропологический» аспект: язык мыслится не как «извне» противостоящий миру его логический «двойник». Это — набор «форм жизни» или жизненных «игр». В нем постоянно что-то делается, причем это «что-то» *укоренено* в человеческой жизни. Автор неустанно напоминает читателю: «Приказывать, спрашивать, рассказывать, болтать (вообще совершать все привычные действия языка — М. К.) — в той же мере часть нашей естественной истории, как ходьба, еда, питье, игра»²⁸. Истоки тех или иных языковых игр философ тоже связывал с жизнедеятельностью воображаемых сообществ или племен.

Идея языковой игры предполагает, что язык — явление в *принципе* нестатичное, что он — подобно исполнению музыки, сценическому действию, спортивным и иным играм — динамичен по самой своей природе, живет лишь в действии, деянии, в практике коммуникации. Витгенштейн подчеркивал: знаки как нечто «вещественное» — в звуковом, письменном, печатном виде — мертвы, но это не значит, что к ним, дабы вдохнуть в них жизнь, нужно добавить что-то принципиально иное по сравнению с материальным — нечто сугубо *духовное*. Это старое-престарое затруднение философ разрешает по-своему: жизнь знаку дает его применение! А таковое, понятно, предполагает реальную *жизнь* языка или языковую *игру*. Толкование значения знака как способа его *употребления*²⁹ и принцип языковых *игр* — аспекты по сути единой позиции.

²⁷ Так охарактеризовал исследовательский прием П. Сраффа, в частности, У. Мэйс.

²⁸ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. 25 // Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

²⁹ В некоторых западных публикациях по аналитической философии отмечается, что данный тезис Витгенштейна неоригинален, что он-де впервые встречается в «Психологии» У. Джемса. Однако те, кто прослеживал рождение и историческое развитие философских идей, хорошо знают: рискованно однозначно фиксировать время появления и авторство той или иной из них: нередко, покопавшись, отыскиваешь значительно более

В основу понятия *языковой игры* положена аналогия между поведением людей в *играх* как таковых и в разных системах *реального действия*, в которые вплетен язык. Их подобие усматривается, в частности, в том, что и там и тут предполагается заранее выработанный комплекс *правил*, составляющих, скажем так, как бы «устав» игры. Этими правилами задаются возможные для той или иной игры (системы поведения или формы жизни) комбинации «ходов» или действий. Ведь игра без правил — не игра: резкое изменение правил способно парализовать игру³⁰. Вместе с тем правила определяют «логику» игры нежестко, предусматриваются вариации, творчество. Система действий, подчиненная жестким правилам, — это уже не игра.

Под *языковыми играми* понимаются модели (образцы, типы) *работы* языка, его варьируемых функций. Подобно всяким моделям, предназначенным для прояснения усложненного, непонятного, «языковые игры», выступают в концепции Витгенштейна прежде всего как *простейшие* или *упрощенные* способы употребления языка, дающие ключ к пониманию более зрелых и нередко неузнаваемо видоизмененных случаев. «Языковые игры — это более простые способы употребления знаков, чем те, какими мы применяем знаки нашего в высшей степени сложного повседневного языка»³¹, — разъяснял Витгенштейн свою идею в лекциях студентам. Понимание языковых игр как «*простейших форм языка*» сохранено в «Философских исследованиях» и последующих работах философа. Причем постоянно подчеркивается, что *корневым* формам языка присуща неразрывная связь с жизнедеятельностью: «Языковой игрой я буду называть также целое, состоящее из языка и действий, в которые он вплетен»³². «Игры представляют собой образцы речевой практики, единства

ранние истоки. В данном случае их, пожалуй, стоило бы поискать еще у софистов. Подходы Витгенштейна к такой позиции отчетливо видны еще в «Логико-философском трактате» и подкреплены, в частности, ссылками на У. Оккама (см.: 3.328, 5.47321). К тому же Витгенштейн сам признавал, что не претендует на новизну отдельно взятых положений. Его сила (и это он тоже отмечал сам) в оригинальной *проработке* мыслей, и собственных, и подсказанных другими, а главное — в *синтезе различных* идей, в формировании нового целостного подхода.

³⁰ Вспомним, как в известной сказке попытался «исправить» игру в футбол старик Хоттабыч: благодаря его волшебству на поле оказалось столько мячей, сколько было игроков. Понятно, что игра тотчас же нарушилась.

³¹ Wittgenstein L. Preliminary Studies for the «Philosophical Investigations», generally known as the *blue and brown books*, Oxford, 1964. P. 47.

³² Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. 7 // Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

мысли-слова-дела, а также *обстоятельств*, при которых все это вместе взятое осуществляется, “срабатывает”. Для пояснения идеи *языковой игры* Витгенштейн иногда сравнивал ее с театральным спектаклем, где в одно целое объединены «сценическая площадка», «акты», «действия», «роли», конкретные «сцены», «слова», «жесты» («ходы» в игре). Со временем философ все чаще стал характеризовать *языковые игры* как «*формы жизни*».

Понятие *языковой игры*, подобно всем прочим в концепции позднего Витгенштейна, не принадлежит к числу четко очерченных, теоретически определенных. Его границы «размыты», однако это не поставишь философу в вину, — хотя бы потому, что в его задачу и не входило — это подчеркивалось многократно — создание какой бы то ни было теории — будь то теория языка, значений знаков или что-то еще. Теории (или *что-концепции*) вообще не представлялись теперь Витгенштейну сколько-нибудь эффективными для прояснения *механизмов* языка и овладения ими (знание-*как*). В отличие от первого периода творчества он больше не руководствуется идеалом точности, так как постиг, что в *практике* языка альтернатива «точное- неточное» делается весьма подвижной и относительной. Иначе говоря, в разных видах практики, в разных ситуациях (контекстах) эти понятия обретают разный смысл — с ними играют как бы разные «деловые игры», а стало быть, и *игры* языковые. И при этом обнаруживается множество случаев, для которых особая *точность* (математическая, логическая, техническая, лингвистическая и пр.) не требуется вовсе и потому ее поиск становится неоправданным и смешным. К понятиям, не предполагающим и не допускающим «точного определения», философ относит и понятие *игры*. Дело в том, что игры вообще, подобно множеству иных реалий, не обладают набором устойчивых типовых признаков, присущих каждой из них в отдельности, а стало быть, и всем играм, вместе взятым. Сходство между ними носит тот особый характер, который Витгенштейн называй «*семейным сходством*».

С точки зрения соответствия речевым реалиям языковые игры можно толковать как локальные области или аспекты языка, как целостные языки более простого типа, чем сложный современный язык (скажем, как языки примитивных племен), или же как практики обучения детей родному языку. Будучи упрощенными речевыми формами, языковые игры реально лежат в основе форм усложненных и потому служат удобной абстракцией, дающей ключ к их пониманию. Кроме того, вчитываясь в тексты Витгенштейна, подмечаешь, что языковые *игры* нередко изобретаются искусственно, в порядке мысленного эксперимента. В этом случае

они могут не иметь прямого реального аналога и служат лишь средством *выявления* и уяснения того, что в обычном языке присутствует в скрытом виде, невнятно. Впрочем, таково же по сути и назначение «игр», имеющих вполне реальные речевые аналоги.

Для каждой сколько-нибудь развитой речевой *практики* отыскиваются ее элементарные *образцы*. Затем — на этой основе — осуществляется постепенное мысленное воссоздание или «реконструкция» практик все более зрелых. И вот уже в поле внимания оказываются сколь угодно сложные типы *игр*, в том числе те, что связаны с применением искусственных языков. Иначе говоря, в *Языке* различается как бы множество *языков*, выполняющих весьма разные функции. Когда ребенок или взрослый, поясняет Витгенштейн, учатся тому, что можно назвать специальными техническими языками — т. е. употреблению карт, диаграмм, описательной геометрии, химической символике и т. д., он учится *новым языкам*. При этом в текстах Витгенштейна постоянно имеется в виду логико-генетическая соподчиненность *игр* по принципу «первичное или вторичное» или «исходное/производное» и ее роль в концептуальных прояснениях очень важна³³.

Так для прояснения столь сложного понятия, как «бесконечное», вводится группа вымышленных, но в принципе возможных, правдоподобных языковых практик. Например, придумывается племя, способное считать до 10, затем племена, владеющие усложненным счетом, — скажем, до 159 и более. Наконец, мысленно конструируется сообщество, имеющее в своем распоряжении два способа исчисления — закрытый и открытый. Вторая, неограниченная, система счета связывается с операцией «и так далее». Именно эта операция и проясняет, по убеждению Витгенштейна, тайну рождения идеи бесконечного. Выявляя ее простой земной «росток», она позволяет мысленно «взрастить» его, проследить шаг за шагом возможные переходы от простых ко все более сложным случаям — вплоть до тех отвлеченных суждений о бесконечном в чистой математике и метафизике, что вызывают характерный эффект головокружения, чувство мистического. В такой реконструкции видится путь к преодолению философско-языковой иллюзии о необычайно трудном, непостижимом характере понятия *бесконечного*. Прием языковых игр позволяет прояснить, что наше употребление слова «бесконечный» по сути

³³ Мне кажется, что эта сторона метода языковых игр не привлекла должного внимания специалистов. Правда, с поступлением зарубежной литературы дело обстоит не лучшим образом, и потому говорю об этом с осторожностью.

столь же незамысловато, как и слова «открытый», а представление, будто его значение «трансцендентно», навеяно неверным пониманием. В результате «бесконечное» обретает вполне земную основу: открытая система исчисления характеризуется тем, что «игра» идет с системой конструируемых числительных. Приведенный пример показывает, что метод языковых игр (в качестве проясняющей процедуры) включает в себя — наряду с другими моментами — и своего рода «заземление» абстракций³⁴, поиск их «корневой основы».

Цель таких «реконструкций» — аналитически-философская: прийти к ясному пониманию функций того или иного понятия, добиться верного соотнесения *вербального* и *реального* для разнообразных конкретных случаев. Процедуры прояснения нередко бывают сложны, и степень их сложности определяется тем, насколько запутано понимание, как много помех нагромождено на пути к искомой *ясности*.

Фантазия Витгенштейна в изобретении самых невероятных языковых игр не знала пределов. Иногда он сам искренне смеялся: так нелепы с точки зрения реального языка были выдуманные им игры³⁵. Но при этом он все же постоянно действовал в рамках принципиально допустимого в языке (не противоречащего его природе), в поле тех *возможностей*, что в иных условиях, в иных культурах *могли бы* оказаться *реалиями* знаково-речевого поведения.

Языковые игры, в понимании Витгенштейна, бесконечно многообразны, причем это относится не только к возможным вариациям конкретных *игр*, но и к их видам и разновидностям. А это значит, что концептуально-речевые *практики* не подвластны сколько-нибудь четким классификациям, разграничениям. Для постижения идеи *игры* в философии позднего Витгенштейна важно не упускать это из вида. Так в «Философских исследованиях» читаем: «Сколько же существует видов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? — Имеется *бесчисленное* множество таких видов: бесконечное многообразие способов употребления всего

³⁴ Призыв спуститься с вершин кристального ума (отвлеченного, идеализированного понимания) на грешную землю, в «долины глупости» не единожды повторяется в записях философа. Может быть, кому-то из читателей такой прием напомнит сведение теологических понятий к их жизненной основе, предпринятое в трудах Л. Фейербаха, а также начатое им (и продолженное под его влиянием Марксом) аналогичное сведение к «земной» основе спекулятивных гегелевских конструкций.

³⁵ Вспомним хотя бы его примеры с эластичными линейками, дровами и пр. в BGM.

того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И это многообразие не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются. *Приблизительную картину* этого процесса способны дать нам изменения в математике»³⁶ (PU, § 23).

Языковые *игры* мыслятся как компоненты деятельности или *формы жизни*, притом не менее многообразные, чем сами жизненные *практики*. В разных ситуациях люди делают то или это, как правило, сочетая предметные и др. действия с речевыми. Им приходится «отдавать приказы или выполнять их, оценивать внешний вид объекта или его размеры, изготавливать предмет по его размерам, информировать о событии, выдвигать и проверять гипотезу, представлять результаты эксперимента в таблицах и диаграммах, сочинять рассказ и читать его, играть в театре, распевать хороводные песни, разгадывать загадки, острить, рассказывать забавные истории, решать арифметические задачи, переводить с одного языка на другой, просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить» (PU, там же). Таков один из перечней возможных языковых игр, постоянно дополняемый в текстах Витгенштейна все новыми и новыми примерами.

Среди назначений идеи *игры* есть и такое: довести до сознания читателей необычайное *многообразие* инструментов языка (типов слов, предложений и др.) и способов их применения, расшатать укорененное в сознании за долгие века представление, будто язык всегда работает *одинаково* и служит одной и той же цели. Автор предупреждает читателя: «Не принимая во внимание многообразие языковых игр, ты, вероятно, будешь склонен задавать вопросы типа: “Что такое вопрос?” — является ли он констатацией моего незнания того-то или же констатацией моего желания, чтобы другой человек сообщил мне о...? Или же это описание моего состояния неуверенности? — А призыв “Помогите!” тоже такое описание? Подумай над тем, сколь различные вещи называются “описанием”: описание положения тела в пространственных координатах, описание выражения лица, описание тактильных ощущений, описание настроения. Конечно, можно заменить обычную форму вопроса утверждением или описанием типа “Я хочу узнать...” или же “Я сомневаюсь, что...” — но от этого не сближаются друг с другом различные языковые игры»³⁷.

³⁶ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. 24 // Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

³⁷ Ibid. 184.

Витгенштейн проявлял бесконечную изобретательность в варьировании языковых игр. Скажем, человек во время прогулки рассказывает нам о каких-то случаях своей жизни. Это — определенная языковая игра. Но характер ее совершенно меняется, если к этому добавить, что все произошедшее с этим человеком было во сне. Ведь рассказ о сновидении — совсем иная языковая игра. Используется и такое изменение контекста: представляется, что фразы, произносимые в реальных ситуациях, звучат на театральной сцене, в спектакле. Понятно, что они приобретают совсем иной характер. А вот еще один из многочисленных примеров: языковая игра доклада, сообщения. В обычных случаях она предполагает повествование о чем-то, передачу какой-то информации о тех или иных реалиях. Но игре можно дать и иной поворот, изменить ее смысл, при этом ничего не меняя порой в «фактуре» игры. Так одно и то же (вроде бы) сообщение способно служить информацией не только о предмете повествования, но и о повествующем человеке. Такое бывает, например, на экзамене, когда учитель выясняет прежде всего знания ученика. Тут иначе акцентированы цель и средство. Целью такой игры становится добывание информации о человеке, рассказывающем или пишущем о чем-то. Сообщение же о предмете его повествования становится вторичным, подчинено основной задаче. Ведь вопрос, на который отвечает ученик, более или менее случаен и вполне может быть заменен другим вопросом. Важен уровень его знаний. В жизни, замечу, подобные повороты *игр* — дело довольно частое. Нетрудно представить себе разные ситуации, в которых важно не столько содержание сообщений, сколько способ их построения, эмоциональная выразительность, доходчивость рассказа (случаи показательного урока, пробной лекции, актерского мастерства и др.).

В *языковых играх* как мысленном экспериментировании, проигрывании речевых вариаций, отчетливо выступает та особенность рассматриваемого метода, что он позволяет искусственно придумывать неограниченное многообразие случаев, оттеняя любую нужную для исследователя сторону дела, в том числе улавливать нюансы («тонкие оттенки поведения», как их называет Витгенштейн). Возможности свободных вариаций здесь столь же неограничены, как и при изобретении игр в собственном смысле слова. В этом еще одна черта сходства предлагаемых приемов речевого прояснения с играми. Далее, не только в играх как таковых, но и в *играх* языковых применяется множество условных «подстановок» — принятие одного за другое, приписывание людям или предметам самых разных

ролей по условным правилам, изменение смысловой нагрузки форм поведения, жестов, фраз и т. д.

Ясное понимание дотоле смутного, запутанного, непонятного достигается многими способами. При этом проясняющие процедуры нередко довольно сложны. Степень их сложности определяется тем, насколько запутано понимание, как много нагромождено помех к ясному соотнесению *вербального* и *реального* в том или ином конкретном случае.

В ткани языка нелегко подметить, разглядеть и осмыслить разные типы его работы. Язык «переодевает», «вуалирует» мысли, не единожды повторял Витгенштейн, прибегая к образу одежд или шалей, скрывающих формы тела. «Одежды нашего языка все делают похожим, — вот почему нами не осознается поразительное разнообразие всех повседневных языковых игр»³⁸. Например, в речевом «облачении» стандартных слов «*почему?*», «*потому что*» внешне одинаково выглядят *причина* и *основание*, *цель*, *мотив*. В этом и многих других подобных случаях язык нивелирует различия «игр», как бы подталкивая к *концептуальным* или *философско-грамматическим* (Витгенштейн называл их и так), то есть *категориальным* ошибкам-подменам. Внимательно отнестись к опасности «фундаментальных подмен одного другим (которыми полна вся философия), Витгенштейн призывал еще в «Логико-философском трактате». Чувство этой опасности нисколько не притупилось и в дальнейшем, скорее наоборот: философ пришел к выводу, что число возможных концептуальных ловушек несчетно. В его поздних текстах приводятся все новые и новые тому подтверждения.

Умение различать, усматривать многообразие значений (функций) понятий дается нелегко, требует навыка, тренировки. *Языковые игры* выступают как метод *концептуального прояснения*: скрытое в статике языка выявляется в его действии, динамике. *Игровыми* приемами за внешне неподвижными «масками» слов, фраз открываются как бы живые лица с множеством выражений, гримас.

Прежде всего, и, пожалуй, более всего Витгенштейна занимали источники философских «сбоев», таящиеся в *именной* картине языка. С развенчания такой прочно утвердившейся картины (концепции) языка начинаются «Философские исследования». Это — одна из главных тем всего произведения. Витгенштейн подчеркивал: нас то и дело запутывает, сбивает с толку впечатление, будто весь язык составлен из знаков-меток, соотнесенных

³⁸ Ibid. 294.

с предметами. Не без скрытой иронии (характерная для него интонация в отношении предрассудков) Витгенштейн набросал эскиз именной картины языка. «Считается, что обучение языку состоит в наименовании предметов. То есть: форм, цветов, болевых ощущений, настроений, чисел и т. д. <...> Именование в каком-то смысле напоминает прикрепление ярлыка к вещи. Это склонны считать подготовкой к употреблению слова. Но *к чему* это подготавливает?»³⁹. И как бы сам собой напрашивается ответ: «Мы даем наименования вещам и тогда, беседуя, можем о них говорить, ссылаться на них». словно в акте именовании уже было заложено то, что мы делаем в дальнейшем. Как если бы все сводилось лишь к одному «говорению о вещах». Витгенштейн разъяснял, что именование языка ориентировано на *предметные* слова (типа человек, стул и др.) и отвлекается от слов типа: сегодня, нет, но, возможно и многого др. Чтобы продемонстрировать (выявить), сколь многообразны способы действия с фразами, словами, он советовал: «Подумай хотя бы об одних восклицаниях с их совершенно разными функциями. Воды! Прочь! Ой! На помощь! Прекрасно! Нет! Неужели ты все еще склонен называть эти слова «наименованиями предметов?»⁴⁰.

Естественно, при этом не отрицалась важная роль функции *обозначения (именования) вещей* в процессе формирования и действия языка. «...Можно сказать, что именование вкупе с его коррелятом — указательным определением — является реальной языковой игрой. Это по сути означает: мы воспитаны, приучены спрашивать: «Как это называется?» — после чего следует название. Существует и такая языковая игра: изобретать имя для чего-нибудь. А стало быть, и говорить: «Это называется...» — и затем употреблять это новое имя. Так, например, дети дают имена своим куклам и потом говорят о них и с ними, подумай в этой связи, насколько своеобразно применение собственного имени человека, с помощью которого мы *обращаемся* к нему!» (там же). Одним словом, поясняется, что именование — вполне правомерная языковая игра, и даже не просто игра, а набор разных игр, неустранимых из языка. Отрицается другое — что это единственно возможная, базовая (исходная, предельная) и, более того, универсальная игра. Не один, а множество раз проговаривается, иллюстрируется, внушается та истина, что именование уже предполагает *владение языком*, что оно может быть осуществлено лишь на базе уже имеющегося языка. Вот как это,

³⁹ Ibid. 26.

⁴⁰ Ibid. 27.

к примеру, звучит у Витгенштейна: «Указательное определение объясняет употребление — значение — слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже достаточно ясна <...> Можно сказать: о названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто уже так или иначе знает, как к нему подступить-ся. <...> Человек уже должен владеть языковой игрой, чтобы понять указательное определение»⁴¹. Да и при этом возможно недопонимание, поскольку указательные определения довольно неопределенны: пояснение «Это — ...» может указывать на форму предмета, на его цвет, давать его собственное имя или обобщенное название и пр. Вот почему могут потребоваться уточняющие вопросы («Ты имеешь в виду...?») — то есть уже предполагается владение языком, навыки языковых игр.

Иллюзия однотипно-именной природы любых речевых единиц прочно укоренена в характере индоевропейских языков, и потому соответствующее восприятие и толкование языка стало здесь прочной традицией⁴². Возможно, в этом и не было бы беды, не дезориентируй оно, не веди к концептуальным сбоям, в частности, таким, что в конце XIX — начале XX вв. вызвали «кризис оснований математики» и доставили немало треволнений специалистам, в том числе наставникам Витгенштейна — Фреге и Расселу. Именно это, по-видимому, во многом определило причины столь серьезного внимания Витгенштейна к развенчанию традиционной *именной* модели языка, начатому еще в *Трактате* и развернутому фронтально в поздних работах. Вслед за Расселом он никак не считал ее безобидной, напротив, пришел к заключению, что как раз на почве именной схемы языка возникли и постоянно воспроизводятся «туманные», «головоломные» (выражу так настроение автора) *философемы* в стиле *платонизма* или *реализма* с их вечным поиском неких универсальных *сущностей*⁴³. Витгенштейн пришел к выводу, что эта традиция опирается (одновременно закрепляя ее) на устой-

⁴¹ Ibid. 27. Поясняя эту мысль на примере шахматной игры, Витгенштейн условно приравнивал расстановку фигур в шахматах именованию предметов, а действия языка — ходам в шахматной игре. Вопрос «Как называется эта фигура?» осмыслен лишь в связи с шахматной игрой. Вот так и вопрос «Как это называется?» уже предполагает определенную степень овладения языком.

⁴² Именное (или денотационное) толкование языка сложилось еще в античности, а то и раньше, и главенствовало вплоть до начала XX века.

⁴³ По убеждению Ф. Ницше, сочинения которого входили в круг чтения Витгенштейна, европейская философия сбилась с дороги и запуталась в призраках платонизма. В ее же достижениях сконцентрировалась, на его взгляд, энергия умов, бившихся над их преодолением.

чивую и живучую, усваиваемую еще в детстве *обыденную* картину языка как *именования предметов* и рассуждения о них. А картины, укорененные в нашем сознании, внушаемые самим языком, в стихии которого мы живем, очень прочны: принимая их за самоочевидные, как бы «срастаешься» с ними, они обретают силу мифов. Вот почему так непросто отнестись к ним критично, отойти, дистанцироваться, усомниться в них. Еще труднее преодолеть эти картины, заменить их иными, даже если эти последние осознаются как более совершенные. Обычно в нелегком процессе высвобождения из плена навязчивых идей (картин) участвует время, постепенно нарастающие суммарные перемены в схемах мышления, опыте осознания. Но свою лепту, возможно, вносят, в известной мере, и великие умы, гений философов.

Витгенштейн взял на себя мучительную и почти непосильную задачу: если не искоренить, то основательно расшатать именную модель языка и, судя по мировой философской, логической и лингвистической литературе наших дней, немало преуспел в этом. По крайней мере большая часть специалистов постепенно приняла его довольно сложную и богатую функционально-игровую модель. Однако философа всерьез беспокоила не просто переориентация профессионалов. Он пояснял, что пишет не для тех, кто публикуется в философских журналах. Его вела, насколько можно судить, и некая сверхзадача, замысел своего рода «культурной революции»⁴⁴. Ему хотелось освободить от *призраков языка* не только философских экспертов (вылечить врачей), но и обычных здравомыслящих людей, приучить их обходить «капканы» языка или выпутываться из них. Кроме прочего он вынашивал и формировал новый образ дидактической философии, чем-то напоминающей античную софистику или беседы Сократа.

Еще предстоит, мне думается, вчитаться в тексты философа тем особым, непривычным для большинства читателей образом, какой предполагает их стилистика. Как уже отмечалось, Витгенштейн не стремился получить какие-то оригинальные философские *утверждения*, которые можно сгруппировать в некое подобие теории. Смысл своих усилий он видел в другом — в демонстрации некоего «know how» — того, *как* выпутываться из концептуальных тупиков. Таковые рождаются, по его представлениям, вследствие подмен *реального*, конкретного мышления особым *ирреальным* рассуждением на философский (идеологический и т. п.) манер, в ходе которого фразы не со-

⁴⁴ Об этом свидетельствует, в частности, фон Вригт.

вершают *нормальной* работы (подобно колесам, отвинтившимся от машины и вращающимся вхолостую)⁴⁵. Всевозможные «призраки языка» издавна привлекли внимание философов, стимулировали их работу «очищения» разума, переросшую в XX столетии, притом во многом усилиями Витгенштейна, в «критику» — «прояснение» — языка или *речевого разумения*. Впрочем, и сами философы разных веков внесли немалую лепту в порождение концептуальных «химер», вынуждая своих собратьев по ремеслу, в том числе Витгенштейна, тратить затем невероятные усилия на их преодоление.

Разнообразные упражнения, примеры, пояснения Витгенштейна, на мой взгляд, предусматривают особую тренировку концептуального рассуждения, формирование своего рода иммунитета против «заморочек» языка. Уверена, что этим идеям (методикам, играм, головоломкам) суждено в недалеком будущем сыграть — через педагогику, дидактику — немалую роль в формировании мышления, значительно более *ясного* и свободного от всевозможных пут языка, чем нынешнее, наше.

⁴⁵ Или портным, «шившим» королевский наряд в сказке Х. Андерсена «Голый король» (сравнение, мелькающее в текстах Витгенштейна).